

Игорь

ТАЛАНКИН:

СОЮЗ

С

ЛИТЕРАТУРОЙ

Таланкин Игорь Васильевич, кинорежиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР. Он окончил Театрально-музыкальное училище имени Глазунова, режиссерский факультет ГИТИСа и Высшие режиссерские курсы. Первый же фильм И. Таланкина «Серёжа» (совместно с Г. Данелия) был удостоен ряда международных премий. За следующий свой фильм — «Вступление» — режиссер получил Специальный приз жюри кинофестиваля в Венеции. Большой интерес и оживленные дискуссии вызвали картины «Дневные звезды» и «Чайковский».

1. Иногда, когда я вижу нечто серое и скучное на экране, мне кажется, что кинематограф умирает. А когда повеет с экрана настоящим искусством, наоборот, думаю, что он набирает силу.

Да, кинематограф — мощное оружие. И вопрос стоит так: в чьих оно руках и для какой цели используется? Проведем водораздел между советским кинематографом и буржуазным.

Хотя на Западе появляются значительные кинопроизведения прогрессивных художников, кинематограф в целом выполняет там социальный заказ власти имущих. Кто платит, тот и заказывает музыку. Западные экраны захлестывает мутный поток фильмов, наспигованных эротикой вперемежку с розовыми мечтами о канареечном счастье. И если кто-то думает, что поток этот стихийный, что задача его — потрафлять вкусу обывателей и мещан, то он ошибается: сие есть вполне сознательная политика воспитания обывателей и мещан.

Иные цели у нашего кинематографа. Не потому ли советские фильмы так притягательны для зарубежных зрителей, что возвышают человека?

К сожалению, у нас выходит немало еще серых картин. Серых потому, что они не ставят больших проблем. Споры нет, в нашем кино за последнее время выразительнее стал язык, сложнее структура, фильмы заговорили о насущных проблемах действительности, о непридуманных людях и их заботах. Однако достаточно ли этого, чтобы кинематограф стал властителем дум миллионов?

Как много еще выходит картин, лишь ловко подделывающихся под правду жизни! В них с большим тщанием воспроизведены «настоящие» костюмы, интерьеры, человеческий типаж. И все же глубокого отклика в зрительном зале они не находят. Почему? Да потому, что подлинная правда в искусстве начинается лишь тогда, когда в произведении ставятся группные социальные проблемы. Сейчас заметна тенденция соскальзывания в область кинематографа развлекательного. И в кино, и на телевидении, например, детектив следует за детективом. Само по себе стремление сделать зрелище динамичным, захватывающим, может быть, и похвально, но острота переживаний обязана сочетаться с остротой мысли.

Говорят иногда о том, что в повседневной жизни мало конфликтов. Это неправда. Меня, к примеру, волнует социальный конфликт между потребителем и создателем.

Этот конфликт возник не вчера и не на пустом месте. Его история уходит в глубь веков, когда впервые появились люди, сами ничего не создающие, но тем не менее потребляющие продукты, произведенные другими. Это характерно для современного буржуазного общества, общества потребления. Наше общество основано на совершенно иных началах. Нам чужды идеалы потребительской

буржуазной морали. Мы утверждаем идеалы творческого отношения к жизни, смысл человеческого бытия видим в созидании. Не следует забывать, что мирное сосуществование стран с различными социальными системами отнюдь не означает компромисса между социалистической идеологией и капиталистической, что необходима решительная борьба с чуждой нам философией общества потребления.

Надо иметь в виду и то, что научно-технический прогресс, обеспечивающий все более высокий уровень благосостояния людей, одновременно ставит новые проблемы. Чем больше человека свободного времени, тем неумолимее встает вопрос о смысле человеческого бытия: «А что дальше? Для чего я, человек, создан?» Мне кажется, кинематограф обязан взяться за этот важнейший социальный заказ времени.

Что касается будущего кино, то строить здесь прогнозы не менее сложно, чем в области погоды.

4. Действительно, на Западе возникло в последние годы явление, получившее название «политическое кино».

Стремясь удовлетворить интерес к политике, пробудившийся у многих людей, кинематографисты стали делать фильмы, окрашенные определенной политической тенденцией. Здесь, конечно, не обходится и без спекуляции на «моде», и попыток нажить капитал — моральный и всякий иной, однако есть и честные художники, всерьез озабоченные положением дел в своей стране и в мире.

6. Я вообще являюсь сторонником «литературного» кинематографа. Без большой литературы большого кинематографа быть не может. Я не имею в виду экранизации, а просто считаю, что без прихода в кинематограф больших писателей дело далеко не двинется. Повторяю: только настоящая литература может дать нам, кинематографистам, материал с разработанным действием, емкими характерами, глубокими конфликтами.

Я думаю, взаимоотношения кино и литературы более тонкие и сложные, чем мы это понимаем, нередко лишь в одном смысле — как перевести литературный ряд в кинематографический. Присущие им процессы скрещиваются, взаимопроникают и взаимодействуют. У современной литературы кинематографу есть чему поучиться. Особенно я почувствовал это, когда работал над фильмом «Дневные звезды».

Нужно было найти способ передать «странную» прозу Ольги Берггольц, найти эквивалент пластическому воплощению текста на экране. Я говорю «странную» потому, что книга в смысле композиции построена очень свободно: это и зарисовки, и исповедь, и размышления, и воспоминания... Однако перед нами не хаотическое и случайное построение, а тщательно продуманный рассказ. Для автора прошлое так же осязаемо, как и настоящее, и он остро чувствует будущее. Естественно, в фильме течение времени столь же прихотливо, как и мысль художника, которую я пытаюсь раскрыть в экранных образах.

В отличие от литературы, у кинематографа есть свойство, с которым нельзя не считаться. Кинолента проходит на экране необратимо, как время, и зритель не может перелистать картину, как книгу. Поэтому писки должны вестись нами и в сюжетосложении, и в раскрытии характеров (не только в прямом фактуальном действии, но и во временных столкновениях, в следовании прихотливой человеческой мысли), и в контрапункте того и другого. Ведь человек менее всего живет сию минуту — его мысль, «во вчера» или «в завтра». Жизнь представляет собой столкновение прошлого с будущим. Даным мигом может жить только, простите, корова, меланхолически пережевывающая траву, а человек устроен иначе.

9. Не знаю...